



Беседа
у камина

№ 24

Springle

Содержание

Рубрики

От редакции	<u>3</u>
Контакты	<u>22</u>

Проза

Виктор Ниекрашас	Глухое окно	<u>4</u>
Алекс Ершов	Будильник	<u>7</u>
Карин Гур	Рыбалка	<u>9</u>
	Моя золотая Алька	<u>13</u>
	Рок-звезда	<u>18</u>
	Тараканха	<u>21</u>

Стихи

Михаил Жовнечук	Это Родина моя	<u>8</u>
	Восход	<u>8</u>
Алена Медзата	Хранитель мира	<u>12</u>
Дмитрий Громов	Письмо	<u>12</u>
Кирилл Сорокин	Вы слишком ко мне снисходительны	<u>20</u>
	Научите меня на рояле	<u>20</u>
	Осенний сонет	<u>20</u>

Здравствуйте, дорогие читатели!

Кончается ноябрь, а это значит, что настало время для очередного номера газеты «Беседы у камина». Он получился совсем небольшим, уютным и очень домашним. Вас ждут замечательные путешествия в другие страны, в виртуальный мир и даже в мир детства, что куда сложнее.

На страницах номера есть новые тексты и новые авторы. А вот рисунков в на этот раз вы не найдете. Только на обложке поселилась легкая плясунья в ночь Луноворота, рожденная фантазией художницы Александры Михасик.

Чего уж, этот номер получился весьма скромным. Не иначе, конец года, авторы готовятся к праздникам. Готовимся и мы. Хочется рассказать вам немного о том, что ждет нас в следующем году. Конечно, сейчас, вроде как, еще и рано. Впереди еще целый декабрь, однако так, как многое зависит от активности авторов, чем раньше мы расскажем, тем лучше пройдет год.

Для начала напомним, что для «Бесед у камина» год начнется с номера на космическую тему. Обсуждая его, мы вспомнили о той роли, которую звезды играют в нашей жизни, то есть, об астрологии. Даже если кто-то из вас не верит в гороскопы, а таких, наверняка, не мало, он все равно знает, кто он по знаку зодиака.

Весы, водолей, близнецы... Сколько в этом таинственного и загадочного, правда? Нас настолько увлекла эта тема, что мы решили посвятить ей целый год. Нет, в газете будет много всего, что не связано с зодиаком, но в каждом номере несколько страничек будет посвящено именно зодиаку. Да и в оформлении номеров будут мелькать рыбы и овны. Будут и другие сюрпризы так или иначе связанные с темой зодиака.

В связи с этим с 1 декабря начинается отдельный набор на тему зодиакального гороскопа и отдельных его знаков. Из этого набора и будет формироваться отдельная рубрика. Тематические номера мы также постараемся увязать с выбранным направлением.

Но это все в следующем году, а сейчас... перед вами 24 номер газеты.

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!



Виктор Ниекрашас

Глухое окно

«Нужно бежать, а вдруг успею?» — промелькнула свежая, как "патч", мысль.

— Это ты о чем? — с сарказмом прозвучал голос, на который мужчина лет тридцати уже давно не обращал внимания.

«Она одна из них, где, где же мне найти ключ? Может, кто продаст?»

— Беги, сметай всё на пути! — не унимался голос.

«Мелочь вновь предлагает "пати", — усмехнулся Олег, — вы мне не ровня, с моими пятью годами стажа и "фул сетом", вы все школота, это мой сервак и я здесь бог», — промелькнула длинная череда самовосхваляющих мыслей.

— Олечка, подойди ко мне, — послышался уставший женский голос.

— Идууу, мама! — раздраженно хмыкнул Олег.

«О, нет, неужели я оставил свиток познания в замке? Нет, нет, нет! Мне больше не дадут этот квест!» — брызжа слюной и вдавливая мышь в грязный коврик, ворчал Олег, понимая, что еще чуть-чуть, и он заплачет от обиды.

— Сынок, мне нехорошо, подойди скорей, — как-то спокойно попросила мать...

— Сейчас, "оружие прокачаю"!

«Ну, и кто теперь бросит мне вызов, а? Может ты, Эльф, или ты, Гном, со своим тридцатым уровнем? Хе-хе!»

Проголодавшись, Олег вспомнил о матери.

— Маа, поставь чайник!

В комнате было тихо, лишь за окном слышался детский смех, лай собаки и прочий дворовый шум, который так раздражал и заставлял играть такую нужную и приятную жизнь... Подумав, что мать вышла за чем-то вкусеньким, Олег продолжил игру.

Сегодня вечером был намечен бой с самым главным рейдовым Боссом, подготовка к которому заняла несколько месяцев. Олег часто представлял свою победу, и уверенно шел к ней, вкладывая деньги матери в свое нескончаемое желание побеждать.

В животе тоскливо заурчало, на экране всплыло сообщение: "Вы играете больше двенадцати часов, это может нанести вред вашему здоровью". Не обратив на него должного внимания, Олег достал из ящика стола пачку чипсов.

— Мам, ну ты где? Иди, покажу какие у меня новые доспехи!

Это была маленькая хитрость Олега, на которую всегда приходила мама, ему казалось, что она безумно рада новым одеяниям героя-сына.

Но мать не приходила...

Через десять минут должна начаться схватка с Боссом, и Олег, не дождавшись, пока мама принесет ему чая и бутербродов, поспешил на кухню, заглянув в спальню к матери. Она лежала на полу, запрокинув голову и с трудом дышала.

— Мама, — прошептал Олег, — что с тобой?

«Была бы руна воскрешения, — промелькнула мысль и исчезла в тревожной дрожи. — Что нужно сделать? Так, так... Нужен Лекарь!», — прозвучал сурово голос в голове. — Да, да, да, позвонить в 01, нет, кажется 03», — Олег достал телефон.

— Скорее приезжайте, маме плохо! Она еле дышит...

- Адрес! Скажите адрес!
- Улица Павлова, 16, квартира 7.
- Встречайте.

Олег смотрел на мать, и, кажется, только сейчас увидел морщины и разглядел седые волосы.

— Мама... — прошептал он.

Из его комнаты слышался звонок Скайпа. Взглянув на мать, он виновато опустил глаза.

— В последний раз, мама, я доиграю и приду....



Алекс Ершов

Будильник

Будильник был старым, даже старомодным — с двумя никелированными чашечками и потёртой кнопкой посередине. Хозяин ежедневно заводил его на без десяти шесть, и каждое утро раздавался противный дребезжащий звонок. Сонная рука Хозяина нащупывала кнопку и звук прекращался.

После этого Хозяин ещё некоторое время лежал неподвижно, затем отрывал-таки голову от подушки и устало поднимался. Каждый день одно и то же — дом-работа, работа-дом...

Однажды случилось так, что Хозяин проспал на работу. То ли будильник не прозвонил в нужное время, то ли Хозяин его не расслышал. А может, просто забыл завести?

Тогда на работе пришлось ему выслушать немало упрёков. Вернувшись домой, Хозяин с размаху ударил по будильнику, тот слетел с тумбочки и покатился по ковру, а потом жалобно звякнул.

И купил себе Хозяин нового будильника, электронного. Этот звонил ровно в назначенное время и ни разу не подводил. Он не просто звонил, а умел играть приятные мелодии, их было целых двенадцать! А старого Хозяин решил не выбрасывать, поставил на шкаф, в виде украшения.

С тех пор всё стало хорошо, и Хозяин никогда никуда не опаздывал.

Но вот, однажды ночью электронный будильник замерцал своими цифрами и вскоре погас. А старый будильник увидел это со шкафа и забеспокоился: ведь Хозяин теперь может снова проспать на работу!

...Наутро проснулся Хозяин от звона и грохота. В испуге вскочил он с кровати и уставился на нового будильника, который совсем ничего не показывал. А потом увидел на полу стеклянные осколки, какие-то шестерёнки и чёрную пружину, что зацепилась за ножку кресла. В углу блестела никелированная чашечка звонка.

Он поднял картонный циферблат. Стрелки показывали без десяти шесть.



Михаил Жовнеіук

Это Родина моя

Где курчавая берёзка,
И златясь, стоят хлеба,
Старый домик в три окошка —
Это Родина моя.

Здесь девичьей тонкой лентой,
Голубой легла река,
Меж холмов и косогоров —
Это Родина моя.

А за полем в сизой дымке,
Словно витязь лес застыл.
Сколько пота, сколько крови,
Прадед здесь в трудах пролил.

Выхожу я на дорогу,
Надо мной небес окно,
Возношу хвалу я Богу,
Что мне с детства всё дано:

Эта милая берёзка,
Этот домик в три окна,
Это поле вдоль речушки,
Эта — Родина моя.



Восход

Всё спит, и даже тьма в ночи,
Цикады ждут зари рожденья,
А капли хладные росы,
Легли на травы и каменья.
Мой Бог, какая красота!
Увидеть битву тьмы и света,
Когда полночная Луна,
Спешит укрыться от рассвета...

И вот он — этот дивный миг,
Дугой костёр возник пред взором,
И Солнце показало лик,
Всё золотя своим узором.

Зарделось небо от любви,
Голубизны открыв просторы,
Исчезла тьма с Луной вдали,
Цикад и птиц запели хоры.



Рыбалка

Сквозь сон я слышу тихий свист... открываю один глаз — на часах без пятнадцати пять. Не может быть... и я опять зарываюсь головой в подушку. Свист повторяется. Делать нечего — поднимаюсь и подбегаю к открытому окну. Обхватив ногами дерево, на уровне третьего этажа висит Ромка и, увидев меня, показывает пальцем вниз, мол, давай выходи. Натянув сарафан, засовываю в сумку приготовленные с вечера бутерброды, бутылку газировки, полотенце и подстилку. На цыпочках выхожу в подъезд и закрываю дверь. Ночь неохотно уступает место короткому настойчивому рассвету. Улицы пусты, все нормальные люди ещё спят. Даже собаки не бегают.

Ромка уже всё закрепил на своем велике: ведро и чугунок с картошкой, луком и морковкой, банку с червями и удочки.

— Юлька, давай быстрей, жарко станет, какая уж тут рыбалка.

Мы усаживаемся на велосипеды и отправляемся в путь. Ехать нам недалеко, сразу за городком шоссейная дорога к областному центру, озеро, а за ним лесок. С нашей стороны лес негустой, так, больше похоже на парк.

Выбрав уютное местечко, подальше от дороги, мы нацепили наживку, закинули удочки и приготовились ждать. Время шло, солнце подымалось всё выше и уже прилично пригревало. Рыба не клевала... Я лежала на спине и следила за серенькой кудрявой тучкой, которая медленно ползла из-за леса в нашу сторону. Ромка, лёжа на животе, жевал травинку. Бутерброды были съедены, газировка выпита. Купаться Ромка не пускал — рыбку распугаешь. Становилось скучно.

— Ну, и чего хорошего в этой твоей рыбалке? Лучше бы я осталась дома и читала «Трёх мушкетёров», как раз на самом интересном месте остановилась...

— Никуда твои мушкетёры не денутся. Для рыбалки терпение нужно, терпение. Ты на удочки не смотри, вроде тебя это не волнует вовсе, рыба и подплывёт червячки хавать. — Ромка приподнялся на локте и странно улыбнулся. — А слабо тебе заняться тем, чем взрослые занимаются?

— Это чем же?

— Чем, чем, ну этим...

— Ромка, ты чего, свихнулся совсем или на солнце перегрелся? А не рано ли нам? — Я критически оглядела его худую фигуру, торчащие рёбра, облупленный нос, покрытый веснушками. На мгновение представила себе, как я прихожу первого сентября в школу, глаза опущены, вся из себя такая загадочная... Девчонки начинают приставать, я отмалчиваюсь, а потом рассказываю им всё. Они в шоке, требуют подробности... Ой, глупости всё это.

— Чего рано, нам четырнадцать лет... скоро... через полгода. Ромео и Джульетта уже поумирали от любви к этому времени. И мы с тобой тоже...

— Что тоже? Тоже помрём? — не собиралась я вовсе умирать так рано ни ради Ромки, ни ради кого-нибудь другого.

— Нет, мы тоже Рома и Юля — похоже, а?

— Ну, во-первых, Ромео было уже семнадцать...

— А во-вторых?

— Что, во-вторых? — я непонимающе уставилась на Ромку.

— Ты сказала: «во-первых»...

— А... не в этом дело. Во всех книжках написано, что ЭТО должно происходить, когда люди любят друг друга. Ты разве меня любишь? Ведь не любишь, я вижу на уроках, как ты пялишься на

Зойку и конфетами её на переменках угощаешь.

— Юль, ну причём тут любовь? Это уже старые влюбляются и женятся лет в двадцать пять. Так что, из-за какой-то любви ещё так долго ждать? Ну что, ты согласна? Давай раздевайся.

Раздеваться? Да чтобы я при каком-то мальчишке стащила с себя купальник, и он бы увидел уже торчащие маленькие сисечки и кудрявый пушок ниже живота? Меня передёрнуло:

— Слушай, ты откуда всё знаешь? Ты уже делал ЭТО?

— Делал...

— С кем? — изумлению моему не было предела. Это когда же он успел?

— С кем, с кем, дура, ни с кем... — Ромка покраснел, как варёная свекла.

Шустрая тучка, с утра гонявшаяся за солнышком, наконец, догнала его и закрыла собой. По воде прошла лёгкая рябь, подул ветерок и на озеро, поляну и на нас с Ромкой душем пролились крупные тёплые капли летнего дождя.

Ромка подпрыгнул с подстилки и заорал дурным голосом:

— Юлька, клюёт, — и бросился к удочкам.

Мы только успевали цеплять к крючкам свежую наживку, и вскоре ведёрце наполнилось мелкой рыбкой. Там трепыхались караси, плотва и даже несколько линьков. Потом мы купались, чистили рыбу, овощи и, разложив костёр, варили уху. Обжигаясь, ели её по очереди из чугунок. Наевшись, я почувствовала, что хочу спать и задремала на подстилке, укрывшись полотенцем.

Когда я проснулась, Ромка уже затушил костёр, сложил удочки, вымыл песком чугунок и убрал мусор. Мы отправились домой. Длинный летний день подходил к концу, но было ещё светло. Я поднималась по ступенькам к подъезду, когда Ромка окликнул меня:

— Юль, мы... того... у папани отпуск, уезжаем к бабуле, помочь ей на огороде. Я вернусь дней через десять. Поедем на рыбалку опять?

Я посмотрела на него сверху вниз и, вообразив себя французской королевой, молча кивнула.

— На, это тебе.

Он порылся в карманах своих вытянувшихся на коленях спортивных штанов и протянул мне раздавленную карамельку, завёрнутую в прилипший к ней фантик.

Дмитрий Громов

Кирилл Сорокин

Письмо

Не горят по мне ещё свечи,
Тризну править по мне не спеши,
Вспомни лучше ты прежние встречи,
Вспомни клятву невинной души.

Брось же плакать за мой упокой,
Брось уныло глядеть на дорогу,
Ты молитву мне нежно пропой,
С ветром пусть улетает в подмогу.

Мне не страшен вайнахов кинжал,
Мне не страшно смотреть в карауле,
И не раз с ней я встречи искал
И не раз ускользал из под пули.

Не горят по мне ещё свечи
И молебна не слышно во след,
Ты дождись драгоценнейшей встречи,
Ты сдержи в церкви данный обет...



Вы слишком ко мне снисхо- дительноны

Вы слишком ко мне снисходительноны,
Восторжены слишком порой.
Красивы, умны, рассудительноны,
А я — ну никак не герой.
Легки и милы, и общительноны,
А я и угрюм и упрям.
Вы, честно сказать, восхитительноны,
Я б с радостью — к Вашим ногам!

Я б Вам преподнёс удивительный
Души очарованной дар,
Но ценность поэта сомнительна,
Не тратили б Вы своих чар.
Смотрите: курорт ослепительноны —
Пристанище трепетных пар...
Но Вы уж ко мне снисходительноны,
В глазах Ваших пляшет пожар.

И мне скоро станет томительно
Без Вашей улыбки простой.
И месяц, как знак вопросительный,
Взойдёт над седою горой.
«Какая луна! Поразительно!
Пройдёмся под этой луной?»
И море вздохнёт соблазнительно,
И к чёрту душевный покой...

Уеду, собравшись решительно!
Исчезну за белой горой!
Вы слишком ко мне снисходительноны.
... А может, я правда герой?

Моя Золотая Алька

Судя по тому, как сидящие в кафе мужчины резко повернули головы в сторону входа, было ясно, что появилась баронесса фон Смирнофф, она же Раиса Шмуклер, она же Алька — моя давняя школьная подруга.

Раечка — поздний и единственный ребёнок в семье.

Алик Шмуклер был дамский портной. Он всё боялся прогадать, не ту выбрать, пока, удивив всех, не женился на старой деве, школьной учительнице по литературе Кларе Борисовне. Жила она над озером в однокомнатной хибаре. Хозяйственный Шмуклер жилище разобрал и отстроил на его месте новый дом: три комнаты, паровое отопление, сарай с погребом. Хорошо Кларе жилось с Аликом, как за каменной стеной. Он её не обижал и никому не позволял — сиротой осталась после войны.

Раечка, как все одарённые дети, говорить начала поздно. Алик всё сокрушался: "Вот что значит поздние дети, дебильная, видать, получилась. Сидит целый день, играет и молчит".

Раечка заговорила в четыре года, и первое, что она сообщила своим ошеломлённым родителям, что вовсе никакая она не Рая, а называть себя требует только Алей. Вот так — ни Аллой, ни Алевтиной, а просто Алей.

Вскоре она уже читала и считала до ста. Худая и сероглазая. Пепельно-золотистые волосы мама заплетала в длинную толстую косу. Только это мало помогало, они непослушными прядями выбивались на свободу, лезли в глаза, нос и рот, но это Альке нисколько не мешало. Она смахивала их ладонью и углублялась в свой любимый мир букв и чисел.

Мальчикам Аля нравилась с самого детства, была в ней какая-то трогательная незащищённость. Хотелось её оградить и обогреть, носить за ней портфель и сумку с физкультурной формой, угощать мороженым. Хотелось убрать с её лица эти россыпи блестящих кудрей и заодно прикоснуться к белой коже, погладить по щеке, заглянуть в глаза. Она им снилась в тревожных мальчишеских снах.

Всех очень быстро "отшил" от неё Жора Смирнов. Родились они в один день, мамы их лежали на соседних койках. Методом угроз, интриг и подкупа Жорик разогнал всех кавалеров, а с ним мало кто решился бы конфликтовать. Он был выше всех своих ровесников и даже мальчишек старше его на два-три года. Крупный и сильный, он внушал к себе уважение, перемешанное со страхом. Когда они пошли в первый класс, Смирнов у входа взял Альку за руку:

— Ты будешь сидеть со мной.

Алька кивнула сквозь вуаль свисающих на лицо волос:

— А ты всё можешь?

— Ага!

— Я хочу стать баронессой.

Семилетнего мальчика нисколько не удивила столь необычная просьба и, недолго думая, пообещал:

— Будешь, только подожди чуть-чуть.

Альку любили все: соседи, учителя, одноклассники. Абсолютно не задавака, круглая отличница, победитель районных и областных олимпиад по физике и химии. Всем желающим давала списывать, в том числе и мне. И я частенько пользовалась её добротой — вместо того, чтобы посидеть и подумать над задачей, шла к ней и переписывала готовенькое.

Возвращались мы как-то со школы, и я спросила у неё, чем же это имя Аля лучше, чем Рая. Моя подруга уже полчаса ожесточённо крутила пуговицу на новой куртке, перешитой папой из его старого плаща. Наконец, пуговица отвалилась и Алька, зажав её в кулаке, облегчённо вздохнула:

— Вот, просила я у папы вшить мне "молнию", так он, понимаешь, твердит, что они быстро ломаются, а пуговицы надёжнее. Покажу ему сегодня, какие они надёжные! А почему Аля? Не знаю, просто так, поняла вдруг, что никакая я не Раиса, не подходит это мне и всё.

В четвёртом классе началось повальное увлечение велосипедом. У Альки велика не было, Шмуклер боялся, чтобы дитя не упало и не побило коленей, но она от этого вовсе не страдала — любой мальчик давал ей свой покататься сколько она пожелает. У Жориной мамы денег на велик не было, он рос без отца, и семья едва сводила концы с концами.

Накануне их общего дня рождения они пришли к Альке, когда дома никого не было. Достав капроновый бант, она связала свою золотую косу над самой шеей. Потом вытащила из папиной швейной машинки большие портновские ножницы и, протянув их Жоре, повернулась к нему спиной:

— Режь!

Он покорно щёлкнул ножницами.

Косу она продала местной парикмахерше и купила Жорке велосипед.

Алька, несмотря на свою худобу, рано повзрослела. У неё одной из первых в классе начались "эти дела", грудь выросла и свободно колыхалась, приподнимая спереди школьную форму и приводя в смущение одноклассников и мужчин-педагогов. Никаких лифчиков она не признавала.

Алика Шмуклера чуть не хватил инфаркт, когда в восьмом классе на зимних каникулах она вечером привела Жорика домой и сообщила, что он остаётся ночевать. Шмуклер дошивал тёплое пальто жене директора школы, а Клара Борисовна смотрела по телевизору новости. Алик нахмурился:

— Жора, поди-ка ты на кухню, поставь чайник.

Когда юноша удалился, Алик произнёс:

— Аленька, не кажется ли тебе, что ты рано собираешься... это... — он покраснел. — Клара, что ты молчишь? Я, что ли, должен дочке объяснять, что в пятнадцать лет ещё не того, не этого...

— Папа, всё уже давно произошло, но мы не хотим шататься по подъездам, на улице холодина, а у Смирновых одна комната. Ты не волнуйся, папочка, мы пользуемся презервативами.

Клара Борисовна вздохнула:

— Вейз мир¹, — и ушла на кухню пить корвалол, а Шмуклер чуть не пришил к пальто палец вместо воротника.

После школы Алька с Жорой поехали в столицу поступать в мединститут. Алик Шмуклер дочку отговаривал:

— Ты куда прёшься в Москву со своей "пятой" графой? Давай, я тебе помогу, иди в наш политех.

Алька сдула со лба непослушные пряди:

— Пап, тебе денег жалко мне на дорогу дать? Так я у Жорки одолжу

Жорик научился переплетать книги. У него завелись свои денежки на непредвиденные расходы.

Шмуклер плюнул, спорить не стал и отправил дочь в Москву.

Срезать Альку не удалось, да и её грамоты с олимпиад произвели впечатление на членов жюри. Они, посоветовавшись, решили, что одна еврейка на весь институт статистику не испортит. А вот Жорик не прошёл. А это означало только одно — идти ему в армию. Шёл 1981 год, и "светил" Смирнову Афганистан.

— Нет, — сказала Аля, — я этого так не оставлю.

Она первый раз в жизни взяла в руки расчёску, накрашила ресницы и губы, натянула платье прямо на голое тело и, выставив острые соски, как дуло пистолета, отправилась к ректору. Что происходило за закрытой дверью кабинета, не знает никто, ни Жорик, ни я, её лучшая подруга. Жорик был зачислен вольным слушателем с испытательным сроком до первой сессии.

Окончив второй курс, они уехали домой на летние каникулы. Как-то ночью, лёжа обнявшись и отдыхая от безумных кувырканий, Жорка сказал своей подруге:

— Я, Алька, больше в институт не вернусь, не проси, не моё это, не лежит у меня душа к медицине

А она уже нависла над ним серпантином золотых волос и округлостью грудей:

— И чем же ты будешь заниматься? — но он уже забыл все слова, целовал её розовые соски и гладил шею, спускаясь по спине к маленьким упругим ягодицам...

Жора бросил институт. Наступили новые времена, и он решил воспользоваться предоставленной вдруг свободой. Где его только не носило, чем он только не занимался...

В 1994 году я уже жила в Иерусалиме. Мой муж, не выдержав тягот новой жизни, "свалил" на "доисторическую" родину. Я получила маленькую комнату в недавно построенном караванном (караван — вагончик) городке. Поздно вечером кто-то постучал в дверь. Я, если честно, испугалась. Мало ли кого носит по ночам, рядом с нами арабская деревушка, иди знай. Я громко спросила (чтобы слышали соседи за стеной):

— Кто там?

Из-за двери раздался громкий шёпот:

— Инка, открой, это я, Георгий...

— Какой, нафик, Георгий, ой, Жорка, ты что ли? — и открыла дверь.

Передо мной стоял худющий, высокий, заросший чёрной щетиной мой бывший одноклассник Жора Смирнов. Вонял он так, словно на него помочились все Иерусалимские кошки.

Прежде чем начать интеллигентный разговор, типа, как дела, да ты откуда, я отправила его в душ, всю одежду свернула в клубок и вынесла на помойку.

Через полчаса он появился вымытый, побритый моими разовыми бритвами, закутанный ниже пояса в банное полотенце. Усевшись за стол, стал опустошать содержимое моего холодильника. Сидя молча, я смотрела на него. Меня всегда умиляет вид жующего с аппетитом мужчины.

Насытившись, Жорка начал свой сбивчивый рассказ о том, чем он занимался и как попал в Израиль. Суть сводилась к тому, что один предприимчивый малый предложил Жорке поставлять в Израиль девушек, как он его заверил "для всяких домашних работ". Жорка, впервые столкнувшись с таким видом бизнеса, поверил и стал заниматься вербовкой. Желающих оказалось больше, чем нужно, в то время прожить в голодной Украине было очень трудно. Уже по дороге на судне из Турции к Израилю, из случайно подслушанного разговора, Жорик понял, для каких "домашних работ" везли сюда обманутых девушек. Ему удалось спасти шестерых и спрятать их на съёмной квартире. Трёх он отправил обратно, а когда вернулся за следующими, его поймали, избili, отобрали все деньги, выданные ему, как аванс, и закрыли в каком-то вонючем сарае. Ему чудом удалось сбежать, он добрался до Иерусалима на попутках и пешком, так как знал от моего бывшего, где я нахожусь. Больше у него здесь не было никого, к кому он мог обратиться.

Выслушав его внимательно, я поинтересовалась, что он будет делать.

1. Вейз мир — боже мой (идиш).

— Мне нужны какие-нибудь деньги, документы, и я уеду. На Украину я не вернусь, тут такое дело... Нашёлся мой папашка, он живёт сейчас в Германии. Вот туда я отправлюсь.

— А как же ты выедешь в Германию из Израиля без визы?

Он хитро улыбнулся:

— Секрет фирмы, я за эти годы всему научился. А потом, я же не израильтянин и не репатриант, визу въездную германскую поставлю в документе и делов. Всё, давай спать, а то сейчас усну сидя.

— А где Алька, что с ней?

— Она ждёт меня в Москве, полгода её уже не видел. Выберусь из этой передраги и к ней бегом.

Я постелила на полу спальный мешок, сверху простыню, подушку и Жорка уснул в одно мгновение. А утром... Нет, я расскажу правду, уж раз писать, так по-честному. Он ворочался во сне, с кем-то спорил, полотенце давно сползло на пол...

Я смотрела на обнажённого мужчину, лежащего внизу. У меня давно не было сексуального партнёра. Уже почти год, как закончился мой очередной бесперспективный роман. И я, прости, Алька, прилегла рядом с Жоркой, обняла и стала ласкать и гладить его живот, целовать крепкое тёплое тело. Он что-то прошептал и, не просыпаясь, обнял меня, прижал к себе. Жора тоже истосковался по женской ласке. Секс был терпким, долгим, острым до самого победного взлёта. Не выпуская меня из объятий, Жорка прошептал:

— Что мы делаем? Это, по-твоему, нормально?

— Нормально, нормально, не переживай, ты меня просто сделал счастливой на одну ночь. Молчи, и иди ко мне...

И всё повторилось опять и опять.

Я проснулась первой и спустилась в арабскую деревню Бейт-Цафафа, где магазины открывались очень рано. Купила Жоре бельё, брюки, рубашку, сандалии и вернулась домой.

Он уже проснулся, умылся и сидел на крыльце, завёрнутый в простыню, как персидский султан. Мы не обсуждали то, что случилось прошедшей ночью. Это веками происходит между мужчиной и женщиной, и нет никакой причины устраивать из этого проблему. Я бы, конечно, не отказалась, чтобы он погостил у меня ещё так месяц-другой, но пора...

Открыв заветный ящик, вытащила оттуда пять тысяч долларов. Это была моя доля от продажи нашей квартиры на Украине.

— Бери, это всё, что я могу тебе дать.

Жорка обнял меня на прощанье:

— Ты, Инка, настоящий друг, я этого никогда не забуду. — И ушёл, исчез, испарился из моей жизни.

Прошло восемь лет, наступил новый век. Закончив курсы медсестёр, работаю в больнице Шаарей-Цедек, вышла замуж за хирурга Лёню, у нас родился Данечка. Лёня платит алименты бывшей жене, снимаем квартиру, но машину купили. В выходные вместе уезжаем или в Тель-Авив к Средиземному морю, или на Мёртвое море. Мечтаем о собственной квартире, но это нам, пока, не по средствам. В один из выходных дней кто-то позвонил по телефону. Я взяла трубку:

— Алло?

— Это Инна ...? — мужчина назвал меня по фамилии первого мужа.

— Да, я вас слушаю.

— Минуточку, с Вами будет говорить баронесса фон Смирнофф.

— Кто? — но в трубке уже звенел Алькин голос. — Инуля, я через неделю буду в Иерусалиме. Давай встретимся.

Я жду её в кафе Бейт Тихо на маленькой улочке в центре Иерусалима. Она появляется такая

же, как была двадцать лет назад: не причёсанная, не покрашенная, в открытом сарафане, без нижнего белья, идёт, пожираемая взглядами присутствующих мужчин. Рядом с ней шагает девочка лет семи с золотой гривой на голове, как две капли воды похожая на Альку. От Раи Шмуклер новую баронессу фон Смирнофф отличают сверкающие в ушах и на шее бриллианты под цвет её волос. Обнимаемся, целуемся, мы рады видеть друг друга.

— Алька, как ты, где ты? И с чего это вдруг баронесса?

Алька смеётся, машет рукой:

— Жорик купил титул барона. Мы живём в Лондоне, они с папой открыли ресторанный бизнес. Сеть ресторанов "У барона Георгия". А мне купил клинику, я занимаюсь пластической хирургией. Терпеть не могу Лондон, холодно, сыро, не то, что у нас на Украине или, как сейчас говорят, в Украине. Я из Израиля поеду домой. — Аля опустила голову. — Мама умерла, а папа ни за что не хочет к нам переезжать. Ему уже девятый десяток пошёл. Вот маленькую баронессу называли Клариссой. Она у нас танцует, играет на фортепьяно. Ох, Инуля, скучно мне в Англии. Как ты?

Я рассказываю ей о своей жизни, об общих знакомых.

Девочка сидит молча и с удовольствием доедает фирменный суп в хлебе. Придумали же! Кушаешь суп и "тарелкой" закусываешь.

— Клара, my dear, go and wash your hands,* — обратилась Аля к дочке. Девочка послушно встаёт и отправляется в туалет.

— Она что, по-русски не понимает? — я смотрю вслед маленькой баронессе.

— Всё она прекрасно понимает, но предпочитает говорить только по-английски.

— Точно как здешние дети — рак иврит — только на иврите... давай выпьем за них, за наше будущее. — Я протягиваю Альке бокал.

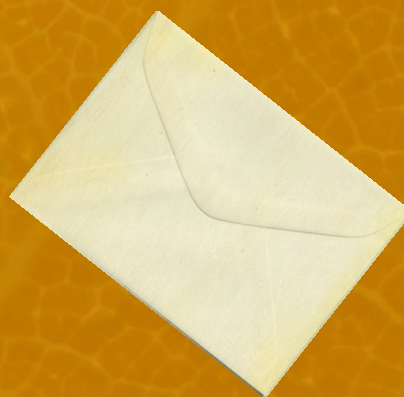
— Давай. Ну, Инка, как мой Жорик, знойный мужчина? — она вскинула на меня свои серые глаза. Я чуть не подавилась куском рыбы. — Ладно, не смущайся, Жорик мне ничего не рассказывал, я сама догадалась. Да, вот, — она открывает сумку и протягивает мне тоненький конверт, — он тебе долг возвращает, бери, бери, пригодится.

Мы вызываем такси, прощаемся, и они уезжают...

Я возвращаюсь домой. Мой Лёня уложил сыночка спать и сидит на диване, складывая высохшее бельё. Я целую его:

— Ты возьми у меня в сумке конверт, спрячь, мне долг вернули — пять тысяч долларов. поедem в Париж, мы так давно с тобой мечтали, ещё на подарки останется. Я пойду в душ, заварю чай, пожалуйста.

Вернувшись, застаю Лёню всё так же сидящим на диване. Он уставился в одну точку на стене:



Весенний короткий вечер плавно переходил в ветреную дождливую ночь. Прохожие поднимали воротники, кутались в шарфы и спешили укрыться в тёплых помещениях.

Я сидела у барной стойки, потягивая через соломинку апельсиновый сок. Мне нравится это кафе, здесь приличная публика, полумрак, негромкие разговоры. Можешь сидеть часами и пить свой сок или чай, и никто не косится на тебя за то, что не заказываешь спиртное или фирменную баранину. Я тихо грустила. Меня опять бросили, оставили, изменили, заменили на другую, ну, называйте, как хотите, а я опять одна. И ещё оскорбил, обозвал самым обидным...

— Заказать девушке чего-нибудь покрепче? — Сбоку нарисовался мужской силуэт.

Молчу, пусть постоит, полюбуется моим профилем. Я в профиль — красавица: прямой носик, вздернутая верхняя губа, тень длинных ресниц на щеках, занавешенных, как шторами, длинными прямыми волосами. Выдерживаю паузу и тихо роняю:

— Девушка не пьёт и не знакомится.

Отвалил.

Не успеваю сосредоточиться на собственных переживаниях, как рядом усаживается следующий кавалер. Чтобы не тратить зря время, я, не поворачивая головы (пусть любитесь профилем!), произношу:

— И не старайтесь зря, девушка не пьёт и не знакомится.

— Чего? Да кому Вы нужны?

Наглость какая! Я оглядываюсь. Рядом сидит парень такого типа, который я терпеть не могу: рыжий, толстый и бородатый, типичный морской пират. Он даже не смотрит в мою сторону.

— Бармен, пожалуйста, стакан апельсинового сока.

Ишь-ты, трезвенник...

— Уже нельзя мужчине просто посидеть в кафе и попить сок. Сразу начинают приставать к нему разные...

Я к нему пристаю!

— Послушайте, уважаемый, Вы что это себе позволяете. Я к Вам и не ... — что за чушь я несу... — А Вы кто такой?

— Я? — Пират стал озираться по сторонам, словно кроме меня и него ещё кто-то сидел за стойкой. — Это в каком смысле? Сейчас я просто посетитель, заглянувший на огонёк укрыться от дождя и выпить чего-нибудь. Вас, мадемуазель, такой ответ устраивает? Кстати, у Вас пустой стакан. Можно Вам заказать сок и мы с Вами выпьем на брудершафт?

У меня пропала всякая охота задираться, и я кивнула в знак согласия.

Целоваться мы не стали, но перешли на «ты».

— Похоже, у нас одинаковые проблемы, — бородач внимательно разглядывает меня. — Ты чего волосами завесилась, как русалка?

— А ты чего бороду завёл, как пират? — так я ему и расскажу... — Так тебя что, подруга бросила? И почему?

— Бросила, бросила она меня из-за мечты... Я... — он огляделся по сторонам, словно собирался сообщить мне секрет государственной важности... — я мечтаю стать рок-звездой!

Я несколько не удивилась, по моему мнению, именно так и должна выглядеть рок-звезда.

— А ты кто, композитор, певец?

— Я? Я — врач.

Вот те да!

— Какой такой врач?

— Какой, обыкновенный, детский врач, педиатр.

— Ты??? А дети в обморок не падают, увидев тебя?

— Ты что? Меня детишки обожают, бороду гладят, расчёсывают. Слушай, хочешь, я тебе спою?

Я испугалась:

—Что, прямо здесь?

Пират почесал бороду:

— Да, здесь как-то не очень... А давай, поехали ко мне, у меня дома гитара, я тебе спою из репертуара Элтона Джона, моя любимая песня «Goodbye Yellow Brick Road». Знаешь о чём она?

— Ну, о жёлтой дороге, судя по названию.

— Да, типа того... Там слова такие классные: «Я не вещь, дабы твои друзья меня разглядывали и охали: «Этот мальчик слишком мал, чтобы петь блюз». Так что, прощай дорога из жёлтого кирпича, где воют с тоски домашние собаки...»

Мы поехали к нему и как-то в этот вечер до песен дело так и не дошло.

Я проснулась оттого, что Пират склонился надо мною и внимательно рассматривал мои выпорхнувшие на белый свет оттопыренные уши, из-за которых все дразнили меня лопухой. В эту ночь я впервые расслабилась и не думала о том, что нужно их прикрывать. Мужчина, лежащий рядом со мной, был очень красив. Я переживала ночные ощущения, когда его пушистая борода приятно щекотала во всяких неожиданных местах. Он легонько потянул меня за ушко:

— Ты похожа на эльфа, — и негромко замурлыкал:

Легкокрылые эльфы,
Вы нежны, вы воздушны,
Легкокрылые эльфы
Лишь природе послушны.
Легкокрылые эльфы,
Человечества сны
Все прорвались сквозь окна
В честь прихода весны. *

Прошло пять лет. Певцом Пират так и не стал, у него не было ни слуха, ни голоса. Но мы купили домой караоке, и он напевает иногда по вечерам свои любимые блюзы. Я сделала себе пластическую операцию и теперь была хороша не только в профиль, но и анфас. У нас родились два мальчика-близнеца. Они, как и ожидалось, получились рыжие, лопухие и крикливые. Будущие

рок-звёзды.

• песенка из мультфильма «Легкокрылые эльфы».



Кирилл Сорокин

*Научите меня на
рояле*

Я знаю: прошлым жить — большое зло,
Когда ещё полжизни в неизвестных,
Но — осень. И на улицах окрестных
Желтеет клёнов тонкое стекло.

И всё, что незаметно утекло,
Всплывает снова из глубин отвесных,
И от воспоминаний неуместных
То зябко, то несказанно тепло.

И листьев суета, сливаясь в лица,
Забвения смывая молоко,
То вспомнить просит, то зовёт забыться.

И чьи-то имена шепчу легко,
И хочется за что-то извиниться...
За что-то, что безумно далеко.



Осенний сонет

Научите меня на рояле.
Что Вам стоит, хоть пару уроков!
Чтобы гости мои не скучали,
Расходясь по домам раньше срока.
Чтобы музыкой чужой очарован,
Утащив её платья краешек,
Мог бы образ, что в нём заколдован,
Оживить в чёрно-белых клавишах.
Чтоб сплетался из звуков привычных
Непривычный узор, радостный.
Чтобы в доме моём, обычном,
Каждый вечер был грустно-сладостным.

Мы бы с Вами потом сыграли...
Пусть я нотной не знаю грамоты,
Научите меня на рояле,
Вечерами ведь вы не заняты?

Алена Медзата

Хранитель мира

Храни свой мир, не предавай!
Пускай реалий злая суть
Не осквернит твой чистый рай
И не изменит сердца путь.

Не предавай свои мечты!
Пусть будет дождь наставник
твой.
В момент холодной пустоты
Он не позволит быть одной.

Не предавай свободу чувств!
Пусть будут ветром во степях.
И пусть словам, что льются с уст
Неведом будет лживый страх.

Не предавай, что бережешь,
Хранитель тайн своей души!
И будь уверена — дойдешь
До всех желаемых вершин.

Март — коварный месяц. Вечером прошёл дождь, ночью ударил мороз, а утром прошёл снежок и город превратился в огромный ледяной каток, прикрытый белым обманчивым одеяльцем.

Я дежурила сегодня в приёмном покое, и работы было невпроворот. Машины «Скорой помощи» везли и везли больных с переломами рук или ног или всех конечностей одновременно. Людей было столько, словно у нас проходил кастинг на участие в телепрограмме «Минута славы». После обеда выглянуло солнышко, коварный лёд растаял, улицы и тротуары покрывала грязная мокрая смесь. Появился просвет, и мы в ординаторской выпили по чашке кофе, обменялись последними новостями. Через три часа смена закончилась, и я отправилась домой.

Вспомнив, что в холодильнике пусто, зашла по пути в супер. Поднимаясь по лестнице, я слышала, как в соседней квартире, заглушая звук громко работающего телевизора, кричали дети.

Открыв дверь, окунувшись в звенящую тишину своей квартиры, я даже не стала снимать сапоги, а сразу отправилась на кухню. Включив свет, устало опустилась на табуретку. В центре стола, на жёлтенькой в красных маках клеёнке сидел большой коричневый таракан. Увидев меня, он не тронулся с места, привычно шевеля усищами. Выглядел таракан разочарованным. Он уже облазил все тумбочки, шкафчики и потаённые уголки в поисках съестного, но не нашёл, бедняга, ни крошки хлеба, ни колбасной шкурки. Я ему очень сочувствовала. Пусто было у меня не потому, что я такая хозяйка аккуратная, а просто напросто я дома практически не питалась, запасов не держала, а на выходные уезжала к маме в деревню.

— Что, дружище, пора и перекусить?

Таракан опасливо поднял голову. Очевидно, он решил, что я собираюсь им поужинать. Он зря волновался: я тараканов не ела и не уничтожала. Видимо в своей прошлой жизни я была тараканихой, и кто-то, наступив сверху огромным тапком, отправил меня в тараканий рай. С тех пор в моей генной памяти выписалось огромными буквами: ТАРАКАНА НЕ УБИЙ!

— Ты чего один гуляешь? Холостяк? — Таракан протестующе покачал усами.

— А... Разведённый... И я разведёнка. Слушай, ты не грусти, я вот купила яйца, зелёный лук и помидоры, сейчас приготовлю нам шикарный холостяцкий ужин. Подожди, пойду, помою руки и переоденусь.

Таракан весело засучил ножками. Я ушла в ванную, он остался терпеливо ждать.

Вернувшись через десять минут, я обнаружила его там же, где оставила, в компании с кудрявенькой юной тараканихой. Похоже, личная жизнь у него налаживалась. Неожиданно он застыл, насторожился, сосредоточенно покрутил носом и толкнул в бок свою подружку. Из соседней квартиры умопомрачительно запахло тушёным мясом с картошкой и сдобными пирогами. Тараканы спрыгнули со стола и отправились туда, где так вкусно готовят, работает телевизор, и оглушительно кричат дети...

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

